

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. Н. Афанасьев

Изменения в механизме
функционирования правящих
региональных элит

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1994_6_Afanasyev.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

ИЗМЕНЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВЯЩИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

М. Н. Афанасьев

Процессы постперестроечных лет — развал партийно-государственной системы, приватизация госпредприятий, известное кадровое обновление представительных и исполнительных органов власти, институционализация местного самоуправления — привели к глубоким расколам и конфликтам внутри региональных элит. некогда целостные (но не монолитные) региональные номенклатуры все более разделяются на конкурирующие, а порой и открыто конфликтующие центры власти: Советы администрации; региональные органы власти — муниципалитеты крупных городов; бюрократия — директорат промышленных предприятий, банкиры, руководители структур АПК. К этим расходящимся ветвям постноменклатурной элиты нужно добавить выросший новый предпринимательский слой, а также организованную преступность, являющуюся, впрочем, не отдельным локализованным центром, а разветвленным паразитарным образованием, пронизывающим управленческие и экономические структуры.

Однако, несмотря на означенный “развод” различных фракций бывшей региональной номенклатуры, они пока остаются корпоративно связанными — не только общим происхождением, личными связями, но и, как увидим, институционально. Очередной властный передел под флагом десоветизации, начавшийся после октября 1993 г., не изменил главного: нормативная, административная и экономическая власть концентрируется в одном корпоративно связанном слое. То есть по-прежнему речь идет о гипермонополии социальной мощи. Более того, период конфликтного номенклатурного плюрализма во многих регионах сменился собиранием городов и весей, “предметов ведения” и ведающих их контор под руку главы региональной государственной власти (а кое-где они из-под этой руки никуда и не уходили).

Конфликты между различными фракциями и группировками региональной элиты, за немногочисленными исключениями, имели и имеют отнюдь не идейно-политический характер: все борются за власть и привилегии для себя, но почти никто — за монополизацию и за институциональное ограничение власти. Та или иная монополия и связанная с ней рента остаются традиционным содержанием социально-групповых, клановых интересов.

Особо следует подчеркнуть по преимуществу неформально-личный характер рекрутирования и функционирования российских элит — как на региональном, так и на федеральном уровнях (1). Реальными структурными единицами, образующими ткань властвующей элиты, являются клиентелы или, как сегодня принято говорить, “команды”, положение которых всецело зависит от влиятельности и популярности их лидеров. В условиях маргинализации, быстрой смены привычных ролей и статусов отношения личной зависимости и покровительства остаются устойчивой матрицей социального поведения, именно они лежат в основе многих политических конфликтов, карьерных кульбитов и поразительных личных метаморфоз.

Подчеркивание преемственности в интересах, в ментальности, в формах поведения и самоорганизации вовсе не означает, что региональные элиты коснеют в неподвижности. Из всего многообразия сюжетов, связанных с трансформацией элитных групп, в настоящем очерке выбраны три институциональные проблемы функционирования и воспроизводства официально правящих региональных элит: административное предпринимательство, государственное строительство (разделение властей, местное самоуправление), выборы.

АФАНАСЬЕВ Михаил Николаевич, кандидат философских наук, главный аналитик Аналитического центра при Президенте Российской Федерации.

1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Шок от свободы ценообразования испытали не только производители и потребители, но и региональные власти. Автономизация хозяйствующих субъектов (еще до и помимо акционирования), с одной стороны, и ответственность за общественную жизнь в регионе — с другой, поставили региональных руководителей в весьма жесткие условия. Они не могли ждать, покуда “войдут в рынок” все государственные предприятия, изменится под воздействием монетаристского импульса их экономическое поведение, вырастут цивилизованные частные предприниматели — отвечать перед населением нужно было *hic et nunc* — здесь и сейчас. Для большинства руководителей “на местах”, по российскому обыкновению, реформы оказались не столько сознательным выбором, сколько стихийным бедствием. Помимо прочего, шаткость их положения, смутность социальных и личных перспектив, естественно, усиливали стремление “обеспечить тылы”, капитализировать нынешнюю административную ренту.

Неудивительно, что местные власти всеми силами старались удержать контроль над экономикой, то есть над хозяйствующими (товаропроизводящими, торгующими и т.п.) субъектами. Несмотря на все нарекания и причитания региональных руководителей, в их руках имеется более чем широкий набор рычагов формального и — подчеркнем особо — неформального административного регулирования: право регулировать цены на ряд товаров и услуг, ограничивать уровень рентабельности предприятий; в распоряжении властей — налоговая полиция, санитарный и экологический контроль, шестое управление УВД и, как правило, прокуратура, таможня, управление ФСК; к этому нужно прибавить зависимость нищенствующих народных и арбитражных судов, наконец, “старую школу”, традиционные и новые личные зависимости в местной элите. Довольно быстро были освоены монетарные и квазирыночные средства воздействия: лицензии, квоты, ставки налогов, кредиты и дотации, право аренды и арендная плата, организация приватизационных конкурсов и аукционов, участие в акционировании (определение условий и контроль за приватизацией — предмет острейшего противоборства целого ряда органов власти и групп интересов). Заметим при этом, что и на новых инструментах можно с успехом играть старую музыку: все, как справедливо заметил К.Маркс, зависит от ансамбля отношений, в данном случае — отношений административного монополизма. Сами по себе монетарные способы регулирования (да еще и в комбинации с властным принуждением) вовсе не обеспечивают переход от административного торга к конкурентному правовому рынку.

Пожалуй, наиболее ярким феноменом нашего бюрократического капитализма стало административное предпринимательство. Практически во всех регионах и крупных городах администрации создали внебюджетные финансовые и товарные фонды, для управления которыми обычно учреждались специальные конторы, называемые “региональными корпорациями”, “торговыми домами” и т.д. В фонды по цене ниже рыночной поступает определенный процент продукции предприятий, расположенных на подведомственной территории, формально, в обмен на услуги. Эта практика была узаконена специальным постановлением Верховного Совета — была такая советская разновидность законодательства. Реальное содержание подобного регионального госзаказа может быть весьма различным: от взаимовыгодного контракта до традиционного оброка. Например, по оценке члена Президентского совета Л.Смирнягина, в Ульяновске глава областной администрации Ю.Горячев берет с УАЗа более пяти тысяч автомобилей — больше, чем тогда, когда тот же Горячев возглавлял обком КПСС (2). Администрации активно включились в коммерцию, освоили бартер, искали поставщиков и потребителей, торговались друг с другом, формировали межрегиональные пулы, заключали сделки с иностранными фирмами. Издавали казенную “незавершенку”, занимались и капитальными вложениями из бюджета, однако с малым успехом: и средств не хватает, и эффективность низка.

Нужно признать, что предпринимательство местных администраций сыграло значительную роль в переходе России к рынку; оценить эту роль еще предстоит историкам Второй российской реформы. В условиях развала системы централизованного снабжения, разлада между бывшими смежниками, галопа цен и кризиса непла-

тежей эти администрации и их коммерческие агенты взяли на себя труд по налаживанию новых цепей обменов. Тем более важны усилия местных властей сохранить и наладить кооперационные связи с новым, “ближним”, зарубежьем, так как в этом случае особенно высок экономический риск, связанный с расползанием и деградацией правового пространства. К примеру, в работе Союза городов Юга России с самого начала приняли участие мэры ряда городов восточной Украины и северного Казахстана; администрация Оренбургской области активно сотрудничает с властями соседних казахстанских областей: договариваются о поставках, о перспективной кооперации, о взаимной помощи техникой в уборочную страду.

В ситуации, когда не было ни частно-торговой сети, ни специализированных товарных бирж, ни развитого рынка информационных услуг, администрации, осваивая оптовую торговлю, старались создать какой ни есть “товарный щит” для подопечного населения; при этом они, в отличие от прочих коммерсантов, должны были озаботиться, по крайней мере, не только торговой прибылью, но и товарным обеспечением жителей с невысокими доходами.

Для поиска зарубежных инвесторов, формирования пакета предложений по перспективным капиталовложениям, доведения этих предложений до уровня пригодных для серьезных переговоров бизнес-планов, для проведения самих переговоров во многих региональных администрациях созданы управления по внешнеэкономическим связям.

Следующим шагом было объединение усилий и координация местных властей в рамках межрегиональных ассоциаций. Они представляют собой реальную интеграцию “снизу” — и в плане горизонтальных связей, и как поиск альтернативы традиционным автономно-вертикальным отношениям центра с каждым регионом по отдельности. С формированием межрегиональных пулов возникают интересные кооперационные возможности использования региональных экспортных квот, объединения капитальных вложений и т.д.

Нельзя не заметить и того, что административное предпринимательство способствовало научению регионального корпуса государственной службы действовать в быстро меняющихся социально-политических условиях, усвоению чиновниками языка рынка, изменению управленческого стиля и ритуалов (3). Региональные руководители осваивали новые роли: публичных политиков, менеджеров. Некоторым администрациям удалось стать настоящими очагами модернизации — эта задача стоит сегодня перед всей российской бюрократией. Обновленческая мимикрия и более содержательная эволюция местного чиновничества способствовали трансформации региональной элиты в целом, сближению между ее традиционными и новыми фракциями.

Коли речь зашла о духе капитализма, нельзя не вспомнить В.Зомбарта, который в своих исследованиях по истории духовного развития современного экономического человека особо подчеркивал роль, сыгранную государством. Европейское государство было одним из первых капиталистических предпринимателей и всегда оставалось одним из крупнейших. “Но еще большее влияние на развитие капиталистического духа государство приобретает, естественно, обходными путями: строением своей хозяйственной политики” (4, с. 216). Однако, предупреждает Зомбарт, государство может и погубить ростки капитализма преувеличенным фискализмом, неправильной экономической и непомерной социальной политикой (5, с. 214, 215).

Государство — лишь один из участников “игр обмена”, но этот участник обладает самыми широкими возможностями переиначивать правила и играть краплеными картами, если его ничто не ограничивает. Поэтому очень опасно, когда государства становится (или остается) слишком много: его тень может стать не защитным зонтиком, а пагубой для частного предпринимательства и общественной инициативы. Кроме того, монополизированный бюрократический капитализм предрасположен к коррупции и формирует систему отношений, которую итальянский социолог М. Ченторино очень точно назвал “порочной экономикой” (5).

Именно эти соображения заставляют меня весьма настороженно отнестись к модернизаторскому проекту президента Калмыкии К.Илюмжинова, который доводит административное предпринимательство до логического завершения — до тождества, как сказал бы Гегель. Это тождество воплощено в корпорации “Калмыкия”,

которая призвана охватить всю республику и превратить всех граждан в своих акционеров.

Власти российских регионов сегодня стоят перед сложной (и объективно, и субъективно) проблемой: как совместить противоречивые функции попечительства, контроля и в то же время расширения возможностей частной хозяйственной инициативы. Ведь развитие частного сектора обуславливает сужение сферы влияния самой администрации — в экономике, в обществе, в региональных элитах. Для того чтобы государственная власть смогла выполнить свою модернизаторскую миссию и выработать цивилизованные формы взаимодействия со всеми хозяйствующими субъектами, сама эта власть должна быть организована в соответствии с известными правилами и демократическими нормами.

2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ. Конституция РФ устанавливает, что субъекты Федерации определяют систему своих государственных органов самостоятельно, в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом. После роспуска Верховного и большинства региональных Советов общие нормы организации государственной власти в регионах были закреплены указами Президента. На одну из этих норм, перекочевавшую затем из президентского Указа в нормативные акты глав региональных администраций, следует обратить особое внимание. Речь идет об ограничении количества депутатов региональных законодательных собраний, работающих на штатной оплачиваемой основе. Это количество не должно превышать двух пятых от общего числа избранных депутатов. Таким образом, руководители предприятий и чиновники получили возможность без отрыва от своих должностных кресел, по совместительству и законодательствовать. Поэтому запрет на совмещение депутатского статуса с государственной должностью и предпринимательской деятельностью во всех региональных нормативных актах распространен только на представителей, работающих на штатной основе. Как будто проблема не в монополизации власти и неограниченном лоббизме, а лишь в том, чтобы кто-то не получал две зарплаты!

Нужно иметь в виду и то, что ограничение количества депутатов, профессионально занимающихся законодательной работой, проводится именно тогда, когда новым представительным органам предстоит впервые в российской истории создавать законодательство краев и областей, реформировать их систему государственной власти и местного самоуправления. Такую работу невозможно выполнить “на общественных началах”, наездами. Значит, реально работу эту возьмет на себя администрация, а законодатели-совместители вместо профессионального законотворчества сосредоточатся на решении своих производственных, корпоративных и личных проблем. Теперь можно быть уверенным, что самый правильный закон, регламентирующий лоббистскую деятельность, — даже если его все-таки напишут, — станет фиговым листом на мощном организме государственно организованного лоббизма. Система номенклатурной власти, функционирующая через ведомственный торг, благополучно пережила десовветизацию и узаконена теперь уже под новой — “реформированной” — вывеской.

Воспользовавшись временным отсутствием или ослаблением политических конкурентов, главы региональных администраций поспешили “узаконить” свою властную монополию. Изданные ими положения о государственных органах зачастую явно противоречат принципам разделения и самостоятельности ветвей власти. Чтобы превратить установления “переходного периода” в постоянные, их стали включать в проекты Уставов, которые региональные администрации поспешили составить и вынести на референдумы. Так, в проектах Уставов Вологодской, Волгоградской, Саратовской областей прямо указывалось, что все полномочия госсобственника принадлежат областной администрации. Однако референдумы были отменены Президентом в силу их несоответствия федеральной Конституции, которая уста-

навливают, что Конституции (Уставы) субъектов РФ принимаются законодательными собраниями.

Наиболее радикально и последовательно монополизация власти проведена в Калмыкии, где в обход действующего парламента, на Конституционном собрании 5 апреля 1994 г. принято Степное Уложение (Основной закон) Республики Калмыкия. В соответствии с ним институт президентства незыблем; президент назначает и освобождает не только руководителей органов государственного управления, но всех руководителей государственных предприятий, организаций и учреждений; президент самостоятельно, без вмешательства парламента, образует и упраздняет министерства, департаменты, государственные и другие ведомства, а парламенту он "вправе представить кандидатуру" его председателя. В случае, если Народный Хурал трижды отклонит президентский законопроект, президент может распустить парламента и сам издавать указы нормативного характера, а новые парламентакие выборы назначить по своему усмотрению.

Отрадно, что есть в России примеры иного подхода к становлению новой государственности на региональном уровне. В ряде региональных нормативных актов предложен сбалансированный механизм взаимодействия исполнительной и законодательной властей. Помимо права главы администрации на отлагательное вето, такой механизм может предусматривать: взаимное право законодательного органа и правительства на запросы, официальные пожелания, представления об изменении или отмене правовых актов; рассмотрение законопроектов главе администрации, чье заключение рассматривается законодательным собранием в обязательном порядке; первоочередность рассмотрения законопроектов, внесенных главой администрации; решение споров через согласительные комиссии, а в случае недостижения согласия — в суде. В Красноярском крае и Брянской области для выхода из возможного политического кризиса (и в качестве противовеса безответственному обострению такого кризиса) предполагается установить право губернатора вынести на референдум вопрос о досрочном прекращении полномочий законодательного собрания а также право законодательного собрания вынести на референдум вопрос о досрочном прекращении полномочий губернатора (причем, если предложение на референдуме не принимается, то выдвинувшая его сторона складывает полномочия).

Чрезвычайно важно сегодня заложить правовые основы для эффективного выполнения новыми представительными органами своей контрольной функции. Весьма обстоятельно такая деятельность представительного органа рассмотрена в законопроекте "Об основах непосредственного народовластия и организации государственной власти в Красноярском крае". Он предусматривает обязательность представления информации, процедуру внеочередного отчета губернатора и других должностных лиц администрации, депутатского запроса и интерpellации, депутатского расследования.

Наиболее полным выражением контрольной и правозащитной функции законодательного собрания является право отрешить от должности или выразить недоверие главе исполнительной власти, нарушающему конституционный порядок. Так, Закон "О Государственном Совете Чувашской Республики" устанавливает, что Государственный Совет отрешает от должности Президента в связи с нарушением Президентом Конституции и законов Чувашской Республики, Конституции и законов Российской Федерации на основании заключения Комитета конституционного надзора. Не меньшее значение имеет распространение процедуры импичмента и на других руководящих должностных лиц исполнительной власти. Важной формой контроля является согласование с законодательным собранием определенных правительственных назначений, между тем эта норма — обычная для республик в составе РФ, не применяется в отношении законодательных собраний иных субъектов РФ.

Бросается в глаза весьма различное в разных регионах решение вопроса о полномочиях председателя законодательного собрания, зависящее, очевидно, от расклада сил и интересов в региональной правящей элите. Если в одних региональных актах лишь воспроизводится положение президентского Указа о том, что представительный орган не вправе делегировать свои полномочия своему председателю, то в других — содержится обширный список весьма значительных прерогатив этого лица. Весьма характерен (но совсем не уникален) в этом отношении проект Устава Волгоградской

области, предусматривающий, что председатель Думы руководит аппаратом, назначая и увольняя его сотрудников; дает поручения “постоянным депутатам” во исполнение решений Думы; обеспечивает депутатов необходимой информацией; обеспечивает организацию референдумов; организует прием граждан и рассмотрение их обращений; открывает и закрывает расчетные и текущие счета Думы в банках и является распорядителем по этим счетам. Перенесение в новые представительные органы “председательского” опыта из Советов при сохранении советского же разделения на “постоянных” и “непостоянных” депутатов не может не настораживать.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. Характерной чертой нынешнего “переходного периода” является ребюрократизация местного самоуправления. Из Указов Президента “О реформе местного самоуправления в Российской Федерации” от 26 октября 1993 г. и “О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации” от 22 декабря 1993 г. следует, что ныне действующие главы администраций становятся главами местного самоуправления — они созывают и руководят работой представительного органа, подписывают его решения и даже единолично дают согласие на увольнение депутата с работы. Кроме того предусмотрено, что не только глава, но и другие должностные лица местной администрации могут быть членами соответствующего представительного органа. Самому этому органу оставлен минимум полномочий: принять местный Устав (но глава администрации вправе, минуя Собрание, вынести проект Устава на местный референдум); утвердить программу развития; по представлению главы администрации установить местные налоги, утвердить бюджет, а потом отчет о его исполнении. Таким образом, представительный орган совершенно бесправен — он собирается главой администрации для оформления своих решений и состоит из зависимых от него, а то и прямо из подчиненных ему лиц. Ни о каком реальном контроле за администрацией при этом не может быть и речи — главы местных администраций, сосредоточившие всю власть, не отвечают ни перед населением, ни перед его представителями.

Неудивительно, что заложенная в президентских Указах возможность не избирать, а назначать глав администраций превратилась в большинстве региональных нормативных актов в однозначную норму о назначении местных глав вышестоящим главой местного самоуправления, а в районах и городах — главой государственной власти субъекта РФ. Ульяновский и Саратовский губернаторы желают сами назначать даже глав районных администраций в областных центрах. Понятно, что восстановление административной вертикали в условиях конфликтного раздела государственности и налогов ведет к блокированию едва начавшегося вычленения местного самоуправления из региональных административных систем и “наказыванию” излишне самостоятельных местных руководителей, чаще всего мэров городов. Кризис власти во Владивостоке и Нижнем Новгороде — лишь самые громкие из череды подобных конфликтов.

Во многих регионах предполагается формировать представительные собрания в районе и сельсовете из назначенных сельских и поселковых глав местного самоуправления — это уже не представительный орган, а административная коллегия при главе администрации. В Ульяновской области этим не удовлетворились и установили, что кроме того во все собрания представителей входят без всяких выборов, по должности — не только глава соответствующей администрации, но и его заместители. В Вологодской же области вообще оставлены лишь два выборных органа местного самоуправления на всю область — городские Думы в Вологде и Череповце, упразднено местное представительство в старинных городах Тотьме, Белозерске, Великом Устюге, Кириллове, Устюжне.

Анализ нормативных актов (и проектов) о местном самоуправлении позволяет выделить три группы регионов: 1) регионы, в которых ограничились воспроизведением положений президентских Указов; 2) регионы, где ребюрократизация местного самоуправления проходит с еще более широким размахом (лидируют в этом плане Вологодская, Волгоградская, Саратовская, Ульяновская области); 3) группа регионов (Карелия, Хакассия, Красноярский край, Белгородская, Курская, Нижегород-

ская, Омская, Тамбовская области), где попытки создать цивилизованное местное самоуправление еще не оставлены.

3. ВЫБОРЫ

Выборы — как местные, так и выборы депутатов в Федеральное Собрание РФ — стали, безусловно, весьма значимым механизмом легитимации власти правящих региональных элит, их пополнения, внутреннего структурирования, а также их взаимоотношений с федеральной властью.

Изучая и сравнивая итоги выборов, прошедших в России на федеральном и на региональном уровнях за минувший политический год (начавшийся 12 декабря 1993 г.), можно констатировать важные особенности электорального поведения населения и политической ориентации региональных элит.

а) Если на первых, еще советских, выборах в 1989, 1990 гг. доминировало недовольство “коммунистами-аппаратчиками”, в том числе местными начальниками, а известные надежды возлагались на новую российскую власть (сначала на российских депутатов, потом на российского Президента), то теперь недоверие к центральным властям намного превосходит недовольство местными: считается, что последние “ближе к народу”, заняты не “грызней”, а реальными проблемами, однако при этом они “по рукам и ногам” связаны центром.

Можно было бы ожидать, что результатом относительно меньшего отчуждения населения от местной власти станет и более активное участие избирателей в местных выборах. Однако этого не происходит. Напротив, электоральная активность на местных выборах гораздо ниже, чем на выборах федеральных. Низкая явка свидетельствует о незаинтересованности избирателей в смене правящей в регионе элиты, или, по крайней мере, о том, что избиратели не видят реальной и привлекательной альтернативы. С другой стороны, это вовсе не основание для спокойствия местных властей: недоверие к ним со стороны населения, особенно в городах, очень велико, что, помимо прочего, проявляется и в неспособности правящей элиты мобилизовать электорат. Нередко отсутствие у местных руководителей возможностей и способностей привлечь избирателей на выборы ставит под угрозу саму их власть.

б) Острая нужда в защите и покровительстве, которые могут дать конкретные местные начальники (уже научившиеся использовать соответствующие мотивы и стимулы), вернула им голоса избирателей. Однако это уже не прежнее идеологизированное “почтительное” голосование, а скорее, предоставление поддержки на выборах в обмен на реальные или обещанные блага и услуги. Именно этот клиентарный механизм мобилизации избирателей лежит в основе следующих электоральных результатов: уверенного успеха начальства на выборах в Совет Федерации (высокопоставленные чиновники региональных и центральных органов государственной власти заняли 128 (74%) мест, директора — 23 места в верхней палате парламента); относительного успеха Аграрной партии (7,99% голосов по общефедеральному округу + 17 кандидатов от АПР, победивших в одномандатных округах) на выборах в Государственную думу, которая функционирует на основе структуры управления АПК; почти повсеместной победы “партии власти” на региональных выборах, где, как правило, вне конкуренции были руководящие работники администраций и директора госпредприятий. В некоторых регионах (например, в Белгородской, Брянской, Тамбовской областях), где новое, назначенное из центра руководство администраций не нашло общего языка со старой местной номенклатурой, контролирующей свои клиентелы, в результате выборов традиционная элита укрепила свою власть и вернула себе статус правящей.

При этом клиентарная мобилизация избирателей срабатывает в основном в сельских районах — именно “глубинка”, но не областной центр стали базой “партии власти” на региональных выборах. За исключением Москвы, Санкт-Петербурга и нескольких региональных центров (Екатеринбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Томск), где можно говорить о партийном типе голосования, для городского населения России сегодня характерно сугубое недоверие и к начальству, и к политикам, и едва ли не ко всем вообще официальным институтам, включая сами выборы. Раздражение и недоверие сочетается, впрочем, с завышенными ожиданиями и требованиями к

властям “сделать жизнь лучше”. Для такого типа сознания и психологии характерна, как отмечает Ю. Левада, “негативная мобилизация общественного мнения и внимания” (6). Поэтому на выборах городские избиратели в большинстве своем либо не участвуют в голосовании, либо демонстрируют труднопредсказуемые и неустойчивые персоналистские ориентации.

в) Непосредственное отношение к нашей теме имеет еще один электоральный феномен, на который нужно обратить особое внимание. Я имею в виду несоответствие результатов голосования по общефедеральным партийным спискам и в одномандатных округах на выборах в Государственную думу. При почти полном отсутствии партийных ориентаций и общественном недоверии к партиям не приходится удивляться тому, что, голосуя за тот или иной список (эдакий опрос на экзотическую для большинства тему “о политиках”), избиратели чаще всего не поддерживали конкретных представителей этих объединений, баллотирующихся в одномандатных округах. Удивительно другое: нередко избиратели, если судить по результатам голосования за партийные списки, и их избранные в одномандатных округах придерживаются противоположных ориентаций. Например, избиратели выбирают в своем округе сторонника реформ и в то же время голосуют за список Жириновского. В ряде регионов противоречие прямо—таки вопиющее.

В целом депутаты, выигравшие в одномандатных округах, в политическом спектре Государственной думы распределились следующим образом:

ВР	— 33	НРП	— 63	АПР	— 33
“12 декабря”	— 29	в/ф	— 7	КПРФ	— 13
ПРЕС	— 11			“РосПуть”	— 13
ЯБЛ	— 9			ЛДПР	— 5
				ДПР	— 1
		82		70	
				65	

Отличие политической конфигурации “мажоритарной” половины Думы от расклада в “списочной” половине очевидно. Причины этого несоответствия следует искать в том обстоятельстве, что выборы по территориальным округам помимо пристрастий избирателей, в значительной мере, как уже отмечалось, отражают расклад сил и интересов в региональных элитах. Таким образом, результаты выборов в одномандатных округах показывают, что представители региональных элит — как перестроившиеся “бывшие”, так и “новобранцы” (например, в группу “12 декабря” собрались молодые, но уже добившиеся успеха на профессиональном и политическом поприще депутаты из регионов), как правило, уже адаптировались к новым условиям и строят свою карьеру применительно к процессам модернизации общества.

1. См. об этом: Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня. — “Полис”, 1994, № 1.
2. Цит. по: Разбойников В. Талонный рай. — “Известия”, 3 декабря 1994 г.
3. См., напр., Магомедов А.К. Политические элиты российской провинции. — “МЭ и МО”, 1994, № 4.
4. Зомбарт В. *Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека*. М., 1994.
5. Цит. по: Васильков Н. Метаморфозы итальянской мафии. — “МЭ и МО”, 1992, № 7, с.114.
6. Левада Ю.А. Факторы и ресурсы общественного мнения в условиях “постмобилизационного” общества. — *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень*, 1994, № 5, с.16.